

Надо было делать памятник бренду

Александр Тимофеевский, культуролог, рассказал в интервью ЦСП «Платформа» о том, какую смысловую нагрузку несет памятник Калашникову

Открытый на днях в Москве памятник Калашникову, на ваш взгляд, – это, скорее, дань величию бренда или стремление увековечить память конкретного человека?

Автомат Калашникова такой же великий русский бренд, как водка, икра и борщ, из того же ряда, – и делать надо было памятник бренду. Не потому, что Калашников чем-то плох, я немного его знал, он был очень симпатичный человек, а потому, что памятники дядькам в пиджаках больше ставить нельзя – это мертвая традиция, тянущаяся из середины XIX века, которая по всему миру породила очень мало хорошего, а сейчас плодит один мусор, проклятие парков и площадей. Дядька в пиджаке, похожий на имярека, с лицом, как в жизни, уже через тридцать лет никем не опознается и становится куском металла или камня в глазу города. Современный памятник должен быть метафорой – как Медный всадник, как питерский Суворов, как Рабочий и Колхозница. Метафору надо было делать и из бренда Калашникова.

Какую символическую нагрузку, по вашему мнению, несет этот памятник?

Проблема в том, что Калашников не только бренд, но еще и автомат, который стреляет. И до сих пор успешно. Тут напомнили, что жуткий парижский теракт в ноябре 2015 года был осуществлен с помощью Калашникова. Может, стоило вообще отказаться от памятника автомату? С другой стороны, мальчики всегда играют в войну, от компьютерных стрелялок не прордохнуть, все детство ими нынче озвучено, чем это лучше Калашникова? Мы же не планируем запретить стрелялки. Поэтому я

все-таки за то, чтобы памятник автомату был, но надо придумать, как снять агрессию.

Это великий наш бренд, наша гордость, детям радость. Как оливье. Вот, исходя из этого, и надо было делать памятник. А дядька в пиджаке, человек с ружьем, наваливающийся на вас с постамента, многократно агрессию усиливает.

Стоит ли вообще увековечивать символы агрессии?

Этот памятник вписывается в популярную сегодня традицию надгробий, когда покойник изображается с тем главным предметом, который был у него в жизни: Высоцкий с гитарой, Ростропович с виолончелью, а киллер с пистолетом. И сегодня в народном сознании бедный Калашников имеет все шансы сделаться киллером. Памятник киллеру – так будут говорить через 30 лет, а, может, и раньше, забыв о Калашникове. Образ ужаса все вытеснит. Не последнюю роль тут сыграет и то обстоятельство, что автор памятника Салават Щербаков выдающимся образом бездарен, хуже памятников, чем его изделия, в Москве еще не стояло, но этим соображением трудно побить оппонента. Сегодня все себя считают специалистами в городской скульптуре, вам не нравится, а мне вот очень, никаких экспертов больше не существует, они никому не интересны, сколько людей, столько и мнений, и это лучший довод в пользу того, чтобы перестать ставить любые памятники вообще, сделать в этом неугомонном процессе, наконец, вожденную паузу.